

О.Е. Столярова

Онтологическое значение истории науки

Помимо философии, унаследовавшей кантианскую критическую перспективу и исследующей априорные условия научного познания, философии, которая, как Нарцисс, желает всегда начинать с себя и заканчивать собой, существует дисциплина, которая может предложить и предлагает философскую альтернативу как трансцендентальному, так и формальному подходам к анализу научного познания. Эта дисциплина – философски ориентированная история науки, которая в XX в. внесла существенный вклад в разрушение априоризма и формирование «эмпирической философии» в духе Джеймса, прагматистов и философии процесса.

Историзм, изначально заложенный в трансцендентальном методе Канта, имеет две стороны. Одна из них – структурная. В этом случае трансцендентальный синтез представляет собой (и исследуется как) процесс порождения объектов абстрактным сознанием, обладающим неизменными априорными структурами. Время здесь выступает как эпифеномен структурных связей – например, Гуссерль говорит об идеальном внутреннем времени сознания, «которое не измеряют никакие хронометры». Вторая сторона собственно историческая. Здесь трансцендентальное сознание рассматривается не индивидуально – в качестве раз и навсегда данного абстрактному индивиду (субъекту), а «суммарно» – как коллективный процесс порождения исторических объектов в историческом времени. Во втором случае считается, что идеальные условия познания раскрываются в историческом времени (назовем это «слабым тезисом»), и/или что сам трансцендентальный синтез представляет собой развертывание коллективного разума (абсолютного духа), формирующего историческое время (назовем это «сильным тезисом»). О сопоставлении «сильного» и «слабого» тезисов я буду говорить по ходу доклада.

Кант размышлял над историческим измерением трансцендентальных условий возможности науки и, как он пишет в *Критике чистого разума*, оставил в своей системе место для истории чистого разума, «которое должно быть заполнено в будущем». В немецкой классической философии, следующей за Кантом, это место начало заполняться. Уже Фихте интерпретировал кантовские априорные формы чувственности и категории, а также законы, по которым развивается познание как «ряд последовательных, в основе имманентных мышлению ступеней развития», реализуемых «в обществе и истории». Шеллинг и Гегель продолжили эту линию философии – линию спекулятивного исследования самодвижущегося разума (Духа), который исторически достигает полноты самосознания в высших формах человеческой культуры.

Неокантианцы сохранили и приумножили интерес к историческому профилю априорных условий. Они развили идею коллективного исторического трансцендентального сознания, порождающего (конструирующего) науки и их объекты. Как писал Герман Коген, его собственный «критический идеализм» «отличен от догматического идеализма лишь своей ориентацией на науку», потому что «только в науке вещи даны и доступны с точки зрения философской проблематики». Гуссерль также обращается к историческому измерению трансцендентального сознания в *Кризисе* и определяет последнее в качестве «жизненного мира» -- трансцендентального горизонта наук, горизонта «всех осмысленных индукций».

Однако же, ни историзму немецких идеалистов, ни «релятивизированному априори» неокантианцев, ни «историческому априори» Гуссерля не суждено было стать полнокровной историей науки. Причина этого, я думаю, заключается не в том, что они предлагают нам «рациональные реконструкции» (не существует чисто дескриптивной истории науки, и все истории науки в той или иной степени – рациональные реконструкции), а в том, что во всех трансцендентальных «рациональных реконструкциях» речь идет о субъекте. Именно он – главный герой такого рода историй науки, историй чистого разума. По сути, трансцендентальные

истории науки пишут не историю представлений о мире (картин мира), не, если можно так выразиться, *историю бытия*, а свою собственную историю – развернутую во времени человеческую перспективу, «универсальную телеологию разума», или «абсолютное субъективное основание», на котором, с их точки зрения, покоятся «наивные» объективные науки.

Выше мы обозначили два теоретических решения трансцендентального историцизма, назвав их «слабым тезисом» и «сильным тезисом». «Сильный тезис» говорит о том, что трансцендентальный синтез – это развертывание коллективного разума, формирующего историческое время, которое, таким, образом, понимается как «внутреннее время» коллективного субъекта. Соответственно, это внутреннее время, или «чистая временность» (например, логический ряд неокантианцев), рассматривается как идеальное условие науки. «Слабый тезис» ограничивается тем, что утверждает, что идеальные условия познания (например, идеальная временность) раскрываются в историческое время (так, трансцендентальный идеализм Канта, который «вывел познание на прямую дорогу» возник в определенный момент истории).

Однако, «слабый тезис», на мой взгляд, оказывается *онтологически* более сильным, чем «сильный тезис», потому что он позволяет рассматривать *реальное* время в качестве *реального* условия науки. При онтологической трактовке сама трансцендентальная субъективность включается в историю, становится моментом истории. Важно при этом, что *история* принадлежит не одной лишь субъективности, а миру в целом, и, соответственно, имеет прямое отношение к тем «наивным» суждениям, которые выносит о мире эмпирическая наука.

История науки обладает опасным для субъект-ориентированных моделей науки свойством. И она обладает им не в силу своего мнимого «чистого дескриптивизма», но потому, что может сделать скрытую онтологию трансцендентального, равно как и формального, подхода явной, и тем самым поставить под вопрос нормативную или «универсально-историческую»

(априорную) позицию Эпистемолога (с большой буквы). Почему это так? Потому что истории науки пишут историю бытия. Именно они собирают «наивные» суждения о мире, представляя их в хронологической последовательности. Вместо того, чтобы «воздерживаться» от суждений и от «вмешательства позитивной научности», истории науки с упорством следопытов по кусочкам собирают и выставляют на всеобщее обозрение историческое явление «картины мира» -- теоретический продукт позитивной научности в его развитии. При этом они, конечно, в той или иной степени являются рациональными реконструкциями, но не более, чем их объекты -- сами научные теории, которые также, как доказали постпозитивисты, представляют собой рациональные реконструкции фактов опыта.

Можно возразить, что истории науки интересуются не историей *бытия*, не историей *самой природы*, а историей *наших суждений* об этой природе, что они пишут историю *картины* мира, а не *самого мира*. Пусть так, но, поскольку само это возражение носит по сути онтологический характер, оно не отменяет, а, напротив, подчеркивает тот факт, что именно истории науки, даже если они имеют дело с историей *картины* мира, буквально навязывают нам онтологический вопрос. Далее я попытаюсь проанализировать, как раскрывается онтологическое значение истории науки.

Как бы ни выстраивался (реконструировался) ряд онтологических суждений -- как необходимый и логически последовательный или как случайный и непоследовательный -- как бы ни менялись наши представления о мире, основной вопрос, который история науки задает философии звучит следующим образом: что в это время (когда меняется/развивается знание) происходит с миром? Иначе говоря, история науки ставит перед философией вопрос о *реальных* причинах изменения научных теорий.

Но, может быть, верно как раз противоположное? История *картин* мира, история *наших* онтологических суждений не снимает ли, наоборот, онтологический вопрос, не закрывает ли его раз и навсегда? Стоит ли беспокоиться о *реальных*

причинах истории науки, если так называемые «реальные» причины суть продукт универсальной телеологии (или универсальной структуры) разума? Но в том-то и дело, что творцы априорных моделей науки, будь то «формалисты» или «трансценденталисты» не заинтересованы в истории науки именно потому, что заранее сделали вывод о вторичном (подчиненном) характере *реальных* причин развития научного знания.

Несмотря на то, что по отношению к науке история науки выступает как рефлексивная дисциплина, по отношению к философии она выступает как «наивная». А задача критической философии, как известно, состоит в том, чтобы не допускать «наивных» суждений без предварительного засвидетельствования их «наивности», засвидетельствования, которое накладывает запрет на соотнесение «реальных» причин и их «идеальных» следствий. Однако же, я полагаю, что такое соотнесение неявно имеет место, и это обнаруживается, если мы принимаем «наивную» историю науки всерьез.